

ГРОССМЕЙСТЕРЫ
ТАЙНОЙ ВОЙНЫ

ВИТАЛИЙ
ПАВЛОВ

ТАЙНОЕ

ПРОНИКНОВЕНИЕ

СЕКРЕТЫ СОВЕТСКОЙ РАЗВЕДКИ

Гроссмейстеры тайной войны

Виталий Павлов

**Тайное проникновение.
Секреты советской разведки**

«Алисторус»

2014

Павлов В. В.

Тайное проникновение. Секреты советской разведки /
В. В. Павлов — «Алисторус», 2014 — (Гроссмейстеры тайной войны)

Сегодня, после фактического начала «новой холодной войны», многих интересует вопрос: как идет работа наших разведчиков на вражеской территории? Генерал-лейтенант Виталий Григорьевич Павлов пятьдесят лет прослужил во внешней разведке КГБ. В своей книге он рассказывает об одной из наиболее засекреченных страниц деятельности этой организации – о тайных проникновениях на иностранные объекты, представляющие интерес для СССР. Из этой книги читатель узнает о классических операциях советской разведки: «Могикан», «Гамлет», «Федора», «Прелат», «Олимп» и многих других, а также о таких специфических способах работы КГБ, как подставы, перевербовка и т. д.

© Павлов В. В., 2014

© Алисторус, 2014

Содержание

Глава I. Предполье	6
Дело У. Х. Белла	11
Дело Д. Харпера	13
Области и виды взаимодействия	15
Наше сотрудничество	17
Глава II. Эстафета эпох	21
Операция «Вализа»	21
Операция «Лотос»	27
Дело «Кито»	31
Операция «Прохиндей»	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Виталий Павлов

Тайное проникновение.

Секреты советской разведки

Оформление Б. Б. Протопопова

©Павлов В. Г., 2014

© ООО «Издательство «Алгоритм», 2014

* * *

*Друзьям и товарищам – разведчикам-нелегалам, посвятившим
себя опасной и самоотверженной работе, с уважением и гордостью
посвящаю*

Глава I. Предполье

В октябре 1980 года, во время просмотра иностранных периодических изданий на английском, французском и немецком языках, которые мои польские коллеги любезно представляли мне из числа поступивших в их цензурную службу, я натолкнулся на интересную статью во французском журнале «Пари-матч» (Пари-матч. 1980. 5 октября). В ней излагалась обширная рецензия книги бывшего сотрудника французской разведки, полковника Леруа-Фэнвилля (400 операций «Службы 7». Мемуары Леруа-Фэнвилля, агента СДЕСЕ).

Заинтересовала меня эта книга тем, что в ней впервые откровенно описывались операции тайного физического проникновения (ТФП) французской разведки в различные иностранные объекты, из которых эта служба, судя по воспоминаниям ее бывшего сотрудника, успешно добывала весьма ценную информацию для французского правительства.

Хотя журнал довольно подробно излагал часть содержания книги Леруа-Фэнвилля, мне захотелось как можно скорее прочитать ее самому, и мои польские друзья достали ее.

Мой интерес был естественным, поскольку впервые в зарубежной печати я обнаружил какие-то конкретные сведения о тех операциях ТФП, которыми мы уже длительное время занимались совместно с польскими спецслужбами.

Сейчас могу по памяти сказать, что Леруа-Фэнвилль, сотрудник СДЕСЕ с 1953 года, вплоть до своей отставки в 1964 году в чине полковника, возглавлял «Службу 7» этой разведки. Он с большими подробностями описывает операции ТФП в иностранные дипломатические почты, посольства, в том числе американское, как во Франции, так и в других государствах.

Читая эту книгу, я удивлялся тому, с чем уже сам был знаком по тем операциям ТФП, которые проводил лично или соприкасался с ними в процессе разведывательной деятельности в Центре внешней разведки и в резидентуре в Австрии. Особенно меня поражало совпадение многих подробностей, описываемых автором, с теми обстоятельствами, с которыми сталкивались мы с польскими коллегами, проводя ТФП в условиях Польши.

Помимо упомянутой подробной статьи в «Пари-матч», я встретил ряд кратких сообщений о книге Леруа-Фэнвилля в американском (Ньюсуик, 1981, 26 января) и французских журналах (Нуфель Обсерватор, 1980, 1 марта; Ле Пуэн, № 428. 1980, 1 декабря).

В них отмечалось, что книга вызвала неудовольствие французской спецслужбы. Мне была понятна отрицательная реакция с ее стороны, так как на фоне почти полного отсутствия каких-либо сообщений об операциях ТФП, проводимых другими иностранными спецслужбами, в ней раскрывались тщательно скрывавшиеся тайны СДЕСЕ. Не случайно, когда позже я попытался разыскать эту книгу, ее не оказалось ни во Франции, ни в других странах, хотя она тогда быстро стала бестселлером и не могла так просто исчезнуть из поля зрения широкой общественности.

Для меня появление этой книги на Западе является еще одним аргументом в пользу того, чтобы ознакомить нашу, да и мировую общественность с тем, что осуществлялось в области ТФП внешней разведкой, так как и книга Леруа-Фэнвилля не свободна от тенденциозных намеков в адрес наших спецслужб. Но притом автор вынужден был признать, что советские дипломатические почты оказались недоступными для ТФП возглавлявшейся им «Службы 7» из-за высокопрофессиональной защиты их от таких посягательств.

Приведя это отступление и учитывая, что речь в настоящих воспоминаниях пойдет главным образом об операциях ТФП, происходивших на территории Польши, мне представляется целесообразным посвятить эту главу тем условиям, которые определяли специфическую ситуацию нашего участия в проводимых совместно с поляками операциях. Она определялась сложившимися сотрудничеством и взаимодействием КГБ со спецслужбами бывших социалистических стран Восточной Европы – членов ОВД.

Прежде всего стоит посмотреть на это взаимодействие с точки зрения динамики его развития.

Первые ростки сотрудничества между специальными органами безопасности возникли в ходе появления, как говорят поляки, «братства по оружию», в процессе оказания советским правительством помощи в создании национальных освободительных вооруженных сил и совместных боевых действий по освобождению стран Восточной Европы от гитлеровских оккупантов.

Продвижение Советской Армии по территории этих государств и создание там административных властей потребовало и организации органов безопасности.

В помощь местным властям выделялись специалисты, советники по вопросам безопасности, первоначально из состава советских армейских спецорганов, а затем стали направляться сотрудники внутренних органов и внешней разведки КГБ (тогда НКВД), предпочтительно из числа знающих соответствующий язык. Если говорить о советниках для Польши, то в кадрах наших органов безопасности нашлось значительное число лиц, знавших польский язык.

Институт советников, образовавшийся еще в ходе войны, совершенствовался и расширялся вплоть до первых послевоенных лет. В условиях сталинско-бериевского режима этот институт превратился в послушный инструмент навязывания братским органам государственной безопасности тех же методов произвола и насилия, что действовали до смерти Сталина и разоблачения Берия и у нас.

В этих условиях органам безопасности стран народной демократии диктовались условия жесткого следования указаниям КГБ при подавлении действительной и кажущейся оппозиции, беспощадного преследования любых отклонений от предписывавшейся Сталиным линии поведения внутри страны и во взаимоотношениях с Западом.

Разоблачение культа Сталина на XX съезде КПСС в 1956 году и последовавшие события в Польше и Венгрии резко изменили положение и в самих органах безопасности стран Восточной Европы. Институт советников был ликвидирован, сотрудничество и взаимодействие специальных служб этих государств с КГБ стало строиться на принципах равноправия, строгого соблюдения суверенитета и невмешательства во внутренние дела.

В основу взаимных отношений спецслужб с этого периода неизменно ложились принципы взаимодействия правящих партий с КПСС, оформляемых специальными соглашениями на более или менее длительные сроки. В ходе текущего сотрудничества согласованные позиции взаимодействия оформлялись протоколами, в которых каждые четыре-пять лет подводились итоги совместных действий и намечались главные задачи на предстоящий период времени.

По мере развития международной обстановки и ситуации в каждой отдельной стране уровень сотрудничества КГБ со спецслужбами стран Восточной Европы постепенно дифференцировался. Так, после событий 1968 года в Чехословакии взаимодействие со спецслужбами Румынии резко сократилось, по линии контрразведывательных мероприятий прекратилось совсем, а сотрудничество разведывательных служб фактически свелось к формальному периодическому обмену разведывательной информацией, к тому же не первостепенной значимости.

Сузилось сотрудничество с венгерскими службами после событий 1956 года, что было понятно и обуславливалось необходимостью очистки этих служб от кадров, замешанных в событиях, и восстановления потерянных позиций как в обществе, так и вовне, особенно на Западе, где венгерская разведка понесла большие потери из-за предательства и бегства ряда прежних ее руководителей. Постепенно взаимодействие по разведывательной линии нормализовалось, однако больше уже не было таким активным, как прежде.

Аналогичные изменения в области сотрудничества с КГБ произошли и в Чехословакии после событий 1968 года. Однако чешская разведка довольно быстро оправилась и восстановила прежний высокий уровень взаимодействия с нашей внешней разведкой.

Примерно на одном уровне откровенного сотрудничества и отсутствия особых проблем сохранялись отношения КГБ с болгарскими спецслужбами. При этом отдельные руководители болгарских спецслужб проявили склонность считать свои подразделения филиалами соответствующих служб КГБ. Естественно, эти настроения не поддерживались нашей стороной, как не соответствующие принципам, согласованным в соответствующих соглашениях, и могущие повредить нормальным взаимоотношениям наших суверенных государств.

Несколько по-иному развивались наши сотрудничество и взаимодействие с польскими спецслужбами. После событий 1956 года в Польше и прихода к руководству партией и государством В. Гомулки возник период определенного осложнения и сужения рамок взаимодействия. Потребовался ряд лет для нормализации отношений и восстановления уровня откровенности и готовности сотрудничать во всех областях.

Этот уровень был достигнут к моменту моего прибытия в страну в 1973 году, и в дальнейшем взаимовыгодное сотрудничество по всем линиям обеспечения государственной безопасности наших стран неуклонно развивалось.

Особый характер сотрудничества и взаимодействия КГБ обеспечивался со спецслужбами ГДР. Это объяснялось как самой ситуацией в этой стране, так и широкими потенциальными возможностями, которые имелись в ГДР, особенно для решения задач внешней разведки.

В силу своего положения ГДР, являясь, по существу, передовым плацдармом в отношениях с Западной Германией и бывшими союзниками, ставших противниками в «холодной войне», представляла большой интерес для взаимодействия наших контрразведок в их противодействии агентурно-подрывному проникновению враждебных разведок. Гэдэеровская разведка имела большие возможности проникать на Запад и добывать там нужную Организации Варшавского Договора, и СССР в частности, разведывательную информацию. Все годы, вплоть до воссоединения с Западной Германией, разведка ГДР являлась важным источником такой информации, внося ощутимый вклад в укрепление позиции всего социалистического содружества в его противостоянии агрессивному союзу Запада – НАТО.

Не менее важные задачи решала и сама наша внешняя разведка через ГДР, создавая на ее территории возможности проникновения и нашей агентуры и разведчиков в западные государства.

Это и использование благоприятных условий для освоения немецкого языка, для переброски разведчиков-нелегалов в Западную Германию и через нее – в другие западные государства. Представительство КГБ в ГДР активно содействовало гэдэеровской внешней разведке в деле приобретения агентуры из числа чиновников и сотрудников правительственных органов Западной Германии и представителей США, Англии и Франции, находившихся в этой стране.

Из этой краткой картины сотрудничества КГБ с другими спецслужбами в рамках ОВД ясно, какую ощутимую потерю понесли наши специальные службы с исчезновением бывшего социалистического содружества.

Наиболее реально я представляю это на примере Польши, о чем нужно сказать подробнее.

Хочу подчеркнуть, что все сотрудничество КГБ со спецслужбами Польши и взаимодействие их подразделений между собой осуществлялось в строгом соответствии с заключенным соглашением и регулярно, каждые несколько лет подписываемыми протоколами, в которых определялись конкретные задачи на предстоящий период.

В декларации Советского правительства от 30 октября 1956 года провозглашалось, что связи Советского Союза с социалистическими странами могут строиться лишь на принципах полного равноправия, уважения территориальной целостности, государственной независимости, невмешательства во внутренние дела. Соответственно и соглашение, подписанное КГБ СССР с МВД ПНР в 1961 году, исходило из этих основополагающих положений. В том же

году был согласован протокол, в котором определялись конкретные цели взаимодействия спецслужб обеих сторон.

27 ноября 1971 г. Андропов и Шляхтиц подписали в Варшаве новое соглашение. В соглашении говорилось, что в соответствии с обязательствами сторон, предусмотренными Варшавским Договором, и в целях объединения усилий в борьбе против империалистических государств, координации разведывательных и контрразведывательных действий по обеспечению государственной безопасности СССР и ПНР, КГБ и МВД Польши договорились осуществлять обмен секретной информацией о противнике по политическим, военным, экономическим и научно-техническим вопросам, о формах и методах деятельности его разведывательных и контрразведывательных служб, эмигрантских реакционных организаций, об оперативной обстановке в капиталистических государствах, обмениваться опытом борьбы с подрывной деятельностью внутренних антисоциалистических элементов. Предусматривалось оказание взаимной помощи в проведении разведывательных мероприятий по агентурному проникновению в важные объекты противника, добыче разведывательной информации и разоблачению и срыву агрессивных намерений империалистического лагеря. Стороны взяли обязательство оказывать взаимопомощь в защите секретов, относящихся к сотрудничеству двух стран в ОВД, СЭВ и по другим линиям. Польская сторона обещала содействие в обеспечении безопасности советских воинских частей, временно находившихся на территории ПНР.

Соглашение от 1971 г. предусматривало функционирование представительства КГБ СССР в Варшаве и представительства МВД ПНР в Москве.

К моменту моего прибытия в Польшу в 1973 году уже истек срок действия очередного протокола о сотрудничестве. Уже в следующем, 1974 году состоялась встреча делегаций КГБ под руководством председателя комитета Ю. В. Андропова и МВД ПНР во главе с министром С. Ковальчиком, когда были подведены итоги совместной деятельности за прошедший период и определены задачи в области взаимодействия по всем направлениям обеспечения государственной безопасности обеих стран и всего социалистического содружества. В работе делегации КГБ принимал участие и я.

Важным принципиальным пунктом соглашений по взаимодействию КГБ с бывшими братскими специальными службами являлось положение о том, что сотрудничающие службы не раскрывают друг перед другом свои конкретные агентурные возможности, то есть не обмениваются, как правило, сведениями об имеющихся агентах и источниках информации, от которых добываются разведывательные материалы, передаваемые договаривающимися сторонами друг другу. Не раскрывается по возможности и агентура, участвующая в совместных оперативных операциях и мероприятиях.

Это важное положение соглашения соответствовало фундаментальным требованиям суверенности и независимости взаимодействующих спецслужб, а также требованиям обеспечения безопасности и конспирации в их оперативной деятельности.

Важность этого положения для надежности разведывательной деятельности могу проиллюстрировать на примере из прошлой практики взаимодействия нашей внешней разведки с польской спецслужбой, когда несоблюдение этого требования привело к нашему крупному провалу в Англии.

В первые послевоенные годы наша служба проводила вербовочные мероприятия по привлечению к сотрудничеству сотрудника английского посольства в Варшаве Хьютона. При осуществлении этой сложной операции сотрудники КГБ пользовались содействием польской спецслужбы, и в силу этого произошла расконспирация сведений об объекте их вербовочных действий перед одним из технических работников польской службы.

Прошло много лет, и завербованный тогда агент оказался на работе в важном военном учреждении Великобритании. В целях обеспечения безопасности работы с ним и операции ТФП в одну из английских спецслужб (Операция «Портлендское дело», глава IV) агент был

передан в распоряжение нелегальной резидентуры в Англии, которой руководил опытный разведчик-нелегал Бен, он же Лонсдейл.

В 1958 году упомянутый польский технический сотрудник спецслужб М. Голеневский, к этому времени занимавший уже пост начальника отдела оперативной техники, которому стали известны некоторые данные о нашем агенте, инициативно установил связь с ЦРУ и стал его агентом.

В результате его предательства ЦРУ в 1959 году стало известно о наличии нашего агента в одном из военных ведомств Великобритании. Это позволило английской контрразведке МИ-5 к концу года не только установить этого агента и его любовницу, но и выйти через них на резидентуру Бена. В результате провала, помимо двух этих агентов, в январе 1961 года были арестованы наши разведчики Бен, Питер и Хелен Крогеры. Потеря этой резидентуры, организация которой проходила под моим личным руководством в 1952-1955 годах, была ощутимой для советской внешней разведки.

На этом печальном примере мы убедились в важности строгого соблюдения конспирации во всех наших делах, проводимых при содействии других спецслужб из братских социалистических стран.

В то же время между сотрудничавшими спецслужбами имелось соглашение о том, что отступления от указанного положения могли иметь место, но только по инициативному предложению той стороны, которая располагает соответствующей агентурой, то есть носило бы характер волеизъявления одной из сторон, исходя из конкретной ситуации и целесообразности привлечения другой стороны к участию в использовании агентурных возможностей инициатора предложения.

Такие ситуации иногда возникали при решении согласованных разведками или контрразведками проблем. За время моей работы в Польше имел место ряд взаимных раскрытий конкретных разведчиков или агентов в тех случаях, когда обе разведки считали это целесообразным. Чаще всего такая необходимость возникала при проведении совместных оперативных игр с противником, например, при внедрении агентуры во враждебные заграничные эмигрантские структуры. Реже – в случае использования источников информации.

Мне представляются особенно характерными в последнем случае два примера сотрудничества польской и советской разведок в области решения сложных задач по добыче стратегической информации, имевшей жизненно важное значение для безопасности социалистического содружества и в интересах его военно-оборонной промышленности. Речь шла о проникновении в американские научно-исследовательские центры и фирмы, работавшие в области ракетной и авиационной военной техники.

Поскольку оба случая получили в восьмидесятые годы широкую огласку в США, не вижу препятствий ни со стороны нашей, ни польской внешней разведки к тому, чтобы рассказать о тех условиях, в которых происходило наше взаимодействие по этим делам.

Предпосылкой к объединению усилий в работе с агентами явилось зафиксированное в очередном протоколе обоюдное согласие о направлении усилий разведывательных служб на получение стратегической в военно-оборонном отношении информации по тогда главному противнику (ГП), то есть Соединенным Штатам.

Соответственно, в текущей работе представительства КГБ мы тактично активизировали польских коллег, подсказывая где, в каких американских научно-исследовательских и военных объектах следует искать такую информацию. В этом плане наше подразделение научно-технической разведки (НТР) периодически направляло польской разведке перечень американских объектов.

Действуя в указанном направлении, польские разведчики к концу восьмидесятых годов добились больших результатов по двум направлениям, приобретя в США агентов Белла и Харпера.

Дело У. Х. Белла

Американец Уильям Холден Белл являлся сотрудником в авиационной корпорации «Хьюз Эйркрафт компани», выполнявшей совершенно секретные оборонные заказы правительства США.

Он имел доступ к современным разработкам в области ракет «воздух-воздух» и «земля-воздух» и радарных систем (Аллен, Пальмер Н. Торговцы изменой. Лондон, 1988).

Польский разведчик Захарский, работавший в торговом представительстве Польши, под соответствующим предлогом познакомился с Беллом, специально поселившись по соседству с ним. В процессе общения с ним разведчик выяснил, что американский специалист по своей работе был связан с разработкой оборонных систем в области авиации и представлял интерес как возможный перспективный кандидат в источники стратегической информации.

Доложив в Центр свои выводы, Захарский получил задание развивать отношения с Беллом, постепенно заинтересовывая его возможностью дополнительного заработка путем предоставления ему консультаций пока в общем плане, не затрагивая служебных секретов.

Захарский сумел привлечь Белла к оказанию ему таких услуг, хорошо оплачивая их. Таким образом он приучил Белла к дополнительным доходам, вызвав у него постоянную потребность в дополнительном заработке в обмен за услуги Захарскому.

Путем постепенного втягивания Белла в сотрудничество, Захарский подвел его к возможности получения более значительных вознаграждений за предоставление служебной информации. Белл пошел на это предложение, предоставив Захарскому перечень материалов, имевшихся в его фирме.

На этом этапе польские коллеги обратились к нам с просьбой оценить перечень материалов Белла, так как из-за их сугубо специфического характера самим им это сделать было затруднительно. Не раскрывая ни источника материалов, ни места его работы, они в предварительном порядке поставили перед нами вопрос, не заинтересована ли наша служба, если обещанные Беллом материалы действительно являются ценными, оплачивать их в довольно крупных размерах.

Когда мы впервые обсуждали эту проблему в 1979 году, я испытывал большие сомнения. Сможет ли наше подразделение НТР (научно-техническая разведка) по одному перечню дать такую оценку, которая позволит согласиться на крупные расходы валютных средств, которые и у нас жестко лимитировались.

В то время я, естественно, ничего не знал ни об обстоятельствах привлечения Белла к сотрудничеству, ни о самом Белле.

Служба НТР попросила польских коллег, не раскрывая источника, дополнительно проинформировать их, назвав более определенно объект нахождения указанных в перечне материалов. Поляки охотно назвали фирму Белла. Она оказалась хорошо известной нашей НТР, и после консультации с экспертами в соответствующих ведомствах наша служба дала согласие на оплату материалов Белла.

Уже на этом этапе я почувствовал, что наших польских коллег очень заинтересовала возможность получения важных разведывательных материалов как для своего министерства национальной обороны, так и, пожалуй, главным образом, как весомый вклад в дело повышения обороноспособности всего социалистического содружества и ОВД. Выполняя таким образом согласованную задачу по добыванию стратегических материалов, польская разведка могла не тратить свои ограниченные валютные ассигнования.

В дальнейшем, по ходу развития работы Захарского с Беллом и повышения ценности его материалов, польская разведка более подробно проинформировала НТР об агенте и его

возможностях, стала получать от НТР конкретные задания для агента и перевела связь с ним в Европу.

Белл соглашался сам фотографировать материалы и в непроявленных пленках доставлять их в европейские страны, в том числе иногда он доставлял их сам прямо в Варшаву.

После того как польские коллеги подробно ознакомили нашу службу НТР с характеристикой агента, его личными данными и возможностями по месту работы, никаких трудностей с оценкой доставляемых Беллом материалов и их оплатой больше не возникало, несмотря на то, что суммы, запрашиваемые агентом, были немалые.

За время сотрудничества с польской разведкой Белл передал значительное количество материалов важнейшего характера. Это перспективное дело, к обоюдному сожалению обеих разведок, завершилось провалом в 1981 году.

23 июня 1981 года в самый разгар польского социально-политического кризиса, в нью-йоркской резидентуре польской разведки изменил шифровальщик, через которого в начале вербовки Белла проходили телеграммы в центр от Захарского. Изменник выдал американским спецслужбам агента, и он был арестован контрразведкой – ФБР.

Оказавшись перед угрозой длительного тюремного заключения, Белл пошел на сотрудничество с ФБР и помог в осуществлении провокации против Захарского, который был арестован.

Захарский был осужден к пожизненному тюремному заключению, а Белл только на 8 лет, с учетом его помощи американской контрразведке в изобличении Захарского.

Польскому разведчику пришлось отсидеть в американской тюрьме почти пять лет. Наша внешняя разведка вместе с польской службой сразу же приняли меры к его вызволению, и эти усилия привели к его обмену вместе с еще несколькими арестованными в США за шпионаж представителями разведок бывших социалистических стран на 25 лиц из числа западников, задержанных в Восточной Европе.

За большие заслуги Захарского перед обеими разведками он был хорошо поощрен, а наша внешняя разведка предоставила ему с семьей длительный отдых и лечение на курортах Советского Союза.

Сейчас, спустя десять лет после освобождения из американской тюрьмы, Захарский снова появился на страницах мировой прессы, в том числе и в средствах массовой информации новой Польши, но отнюдь не как прежний активный участник совместных действий польской и советской разведок. Теперь он, судя по всему, кардинально изменил свои позиции и принял участие в антироссийской провокации, выступив свидетелем в обвинении бывшего премьера Польши Олексы в советско-российском шпионаже.

Трудно, видимо, сопротивляться обещанным наградам и генеральским званиям, хотя они и воздаются не в интересах собственного народа, а в угоду повергнутого с президентского пьедестала Леха Валенсы.

В тот период, когда в Соединенных Штатах происходил судебный процесс над Захарским и Беллом, американская пресса, а затем позже и ряд специалистов в области разведки, в своих публикациях высоко оценивали достижения наших разведок в деле Белла. Они отмечали, что приобретенная через Белла информация помогла полякам и русским сберечь сотни миллионов долларов и позволила применить в своих оборонных объектах уже проверенные американцами, испытанные ими в полевых условиях результаты длительных исследований. Это позволило ввести в короткие сроки важные оборонные системы против новых средств нападения США.

Так сотрудничество двух наших разведывательных служб внесло свой весомый вклад в укрепление безопасности наших стран (Баррон Д. КГБ сегодня. Нью-Йорк, 1983).

Дело Д. Харпера

Примерно в тот же временной период возникло аналогичное дело второго польского агента Джеймса Харпера.

Инженер-электронщик по профессии, американский делец Джеймс Харпер имел доступ к совершенно секретным материалам по ракетной технике калифорнийской оборонной фирмы «Систем Контрол Инкорпорейтед».

Польская контрразведка вышла на этот перспективный источник получения научно-технических материалов в 1979 году. Изучение Харпера показало возможность его привлечения к сотрудничеству на коммерческой основе. Было установлено, что вышеуказанная фирма специализировалась на разработке защитных систем для американских стратегических ракет «Минитмен» и других баллистических ракет.

Харпер нуждался в деньгах и искал возможность заработать их, но в крупных размерах, что сразу стало ясно в начале работы поляков с ним. Он довольно быстро согласился на поставку разведке большого количества технических материалов указанной фирмы.

Исходя из сложности оценки его материалов, как и в случае с Беллом, а также необходимости оплачивать их еще в более значительных размерах, польская разведка обратилась к НТР нашей службы с предложением принять участие в руководстве агентом.

Получив представленный Харпером перечень доступных ему материалов фирмы «Систем Контрол Инкорпорейтед», наши специалисты подтвердили особую ценность информации Харпера и взяли на себя оплату его материалов в зависимости от их конкретной ценности.

Агент стал не просто передавать то, что имелось в распоряжении фирмы и попадало ему под руку. Для него был разработан нашей НТР специальный перечень тем и определен характер материалов, за которые мы готовы были платить ему. Агент подбирал их и передавал польскому разведчику, получая каждый раз крупное вознаграждение.

Харпер согласился привозить свои материалы в европейские страны, в том числе несколько раз посетил и Варшаву.

Для иллюстрации «производительности» этого источника стратегической информации особой важности приведу один пример его посещения Варшавы, свидетелем которого я был.

Так как за каждую доставку разведывательных материалов Харпер запрашивал крупные суммы в долларах, предоставлявшиеся нашей службой, каждая такая порция материалов требовала тщательной, но весьма оперативной оценки достоверности и определения ценности их. Служба НТР в этих целях направляла в Варшаву специальных высококвалифицированных экспертов из нашего оборонного ведомства. После подтверждения достоверности привезенных Харпером материалов и соответствия их нашему заказу агенту тут же вручались деньги.

Помню, как к ожидавшемуся визиту Харпера в июне 1980 года с одним таким заказом к нам прибыла команда из трех авторитетов в области стратегического вооружения.

Харпер прилетел самолетом с целым чемоданом, в котором находилось несколько десятков килограммов копий документов. Просмотр их и внимательное изучение экспертами заняло всю ночь, к утру они могли твердо сказать, что продавцу можно вручить деньги, сумма которых превосходила сотню тысяч долларов. При этом Харперу требовались деньги в мелких купюрах.

Юмористическая сторона этого очень серьезного дела состояла в том, что, получив деньги, Харпер стал рассовывать их по карманам, набил пачками долларов свою сумку и даже засунул по пачке в носки. Можно было только удивляться, как он провозил эти деньги домой, проходя таможенный досмотр.

Использование этого источника исключительно ценной информации совместно с польской разведкой было хотя и кратким (около трех лет), но очень продуктивным. Фактически

все материалы указанной фирмы были переданы нам Харпером. К моменту его разоблачения в 1983 году он практически уже исчерпал свои информационные способности.

Как пишут Пальмер и Аллен, американский агент ЦРУ, полковник польского Генерального штаба Министерства национальной обороны ПНР Ришард Куклинский, имевший доступ ко всем материалам министерства, узнал о наличии у поляков ценного агента, поставлявшего информацию по ракетам. Когда Куклинский сбежал из Польши 8 ноября 1981 года, его осведомленность позволила американской контрразведке после двухлетних поисков и расследований наконец установить Харпера. Кстати, сам Харпер своим поведением ускорил свое разоблачение. В октябре 1983 года Харпер был осужден к пожизненному тюремному заключению.

По оценке американских властей, ущерб, нанесенный Харпером для американских суперсовременных военно-наступательных и оборонительных систем, во много раз превосходил ущерб от сотрудничества с польской разведкой агента Белла.

Оба эти примера, естественно, не исчерпывают всего объема взаимодействия советской и польской разведок. Но они свидетельствуют о той взаимной выгоде, пользе, которые совместные операции приносили нашим обоим службам, расширяя их разведывательные возможности, повышая их эффективность. Такое взаимодействие было в интересах не только наших двух стран, но и всего содружества, объединенного в оборонную Организацию Варшавского Договора.

Возвращаясь к вопросу о взаимной договоренности избегать, вернее, строго исключать попытки выяснения данных об имеющихся в службах агентурных возможностях в конкретной форме сведений об агентах или источниках разведывательной информации, хочу отметить, что поляки не всегда вели себя последовательно, когда дело касалось других спецслужб.

Вспоминаю, как польские коллеги возмущались действиями разведки ГДР. Полякам стало известно из западной прессы, что последняя работала с агентом – западногерманской немкой, служащей западногерманского посольства в Варшаве. «Почему, – спрашивали поляки, – немцы ничего нам не говорили, ведь они вели разведку на польской территории?»

Припомнил я и другой случай аналогичной работы разведки ГДР в Польше. Как писала уже в 1980 году западная пресса, западногерманская контрразведка в мае 1976 года арестовала Хельду Бергер, которая была завербована разведкой ГДР от имени британской разведки. Бергер с 1966 по 1970 год работала в торговой миссии ФРГ в Варшаве, когда эта миссия фактически выполняла функции и дипломатического представительства.

Агент снабжала разведку ГДР ценной разведывательной информацией о планах и действиях ФРГ в отношении ОВД и Польши. Позже Бергер два года проработала в МИДе ФРГ и снова выехала для работы в посольстве, но на этот раз во Франции. Все это время агент считала, что сотрудничает с англичанами.

Конечно же, претензия поляков к немецким коллегам была не совсем обоснованной. Ведь немецкие разведчики только встречались со своим агентом на польской территории, а агент действовала в пределах западногерманского учреждения. В то же время поляки могли быть правы в той части, что шумная кампания, проводившаяся на Западе в связи с разоблачением шпионажа ГДР в Варшаве, вредила престижу Польши.

Очевидно, немцам следовало бы в достаточно общей форме сказать о своих действиях по представительству ФРГ (как, кстати, делали мы, и это вполне удовлетворяло поляков). Тем более что в этом случае поляки могли бы попросить немецких коллег о добыче каких-либо разведывательных сведений по этому немецкому учреждению.

Области и виды взаимодействия

О сотрудничестве советской внешней разведки с союзными спецслужбами бывших социалистических стран написано много небылиц, вымыслов и неприкрытой грубой лжи.

Когда ложь исходит от всевозможных предателей и изменников, для всех ясно, что их изречения вложены в их уста хозяевами из иностранных спецслужб, в услужение которых они поступили. Таковы изменники Ю. Носенко, О. Гордиевский, А. Голицын и другие. Например, бывший сотрудник 8-го Главного управления КГБ Шеймов, неоднократно в силу служебного положения выезжавший в социалистические страны, нагло лжет о положении, которое он якобы лично наблюдал в Польше. По его словам, польские спецслужбы в 1979 году являлись простыми марионетками в руках КГБ. Завравшись, он утверждал, что встречался с генералом – руководителем представительства КГБ в Варшаве и долго с ним (то есть со мной!) беседовал. Чуть несусветная, которая лишь свидетельствовала, чего стоят все другие разоблачения этого мелкого мошенника.

Такие же примерно измышления высказывают походя публицисты, пишущие на разведывательные темы, Д. Баррон, К. Эндрю и многие другие.

Можно только удивляться, как такой маститый ученый, как К. Эндрю, согласился своей авторитетной подписью придавать видимость достоверности измышлениям изменника О. Гордиевского, в соавторы которого он был привлечен. Или француз Т. Вольтон, обстоятельно и как будто достоверно исследующий деятельность КГБ в своей книге, соскальзывает на абсурдные сентенции вроде «спецслужбы стран Восточной Европы были простыми филиалами КГБ», «их разведки выполняли поручения КГБ по вербовке агентов, которых затем КГБ забирал у них» и тому подобные нелепости (Вольтон Т. КГБ во Франции. М.: Гамма, 1993). Как могли серьезные исследователи так унижать себя, присоединяясь к хору дезинформаторов из западных спецслужб?

Например, Д. Баррон в своей книге «КГБ», описывая 11-й отдел ПГУ (отдел внешних сношений разведки), в основном давая правильную информацию об отделе, извращает его функции, приписывая представительствам КГБ в социалистических странах обязанности руководить агентами, завербованными КГБ в этих странах. Искажается также весь характер взаимоотношений КГБ со спецслужбами союзных стран. Последние представляются автором как вспомогательные для КГБ не только внутри стран, но и вовне (Баррон Д. «КГБ». Ридерз дайджест Пресс. 1974, № 4).

Особенно широкий размах дезинформационная кампания о деятельности разведок стран Восточной Европы получила после кардинальных изменений в СССР, распада Союза и смены социалистических режимов в бывших социалистических государствах. В эту кампанию включились и отдельные бывшие руководители бывших режимов. Так, даже Эрих Хонеккер, в попытке снять с себя ответственность за прошлые дела, пытался представить себя «безвольной и послушной марионеткой в руках Кремля» (Интервью с бывшим послом СССР в ГДР П. Абросимовым. 24 часа. 1992, 2 ноября, № 40).

Развернулась охота на сотрудников органов безопасности в бывших социалистических государствах и прежде всего на агентов их внешних разведок в западных странах. Особенно сенсационными были сообщения об агентуре бывшей разведки ГДР. Одним из примеров таких сенсаций явился начавшийся в Германии в начале августа 1993 года процесс над «самым важным» агентом «Топазом» и его женой – англичанкой под псевдонимом «Турчанка». Кстати, эти два агента и их деятельность на Западе представили наглядный пример успешной операции ТФП разведки ГДР в НАТО.

На примере судебной расправы над бывшим министром госбезопасности Милке и бывшим многолетним руководителем внешней разведки ГДР М. Вольфом в Германии проявилось

все лицемерие западной юриспруденции. На вопрос Вольфа: «Какую же страну я предал?» – его германские судьи не могли ответить. «Нельзя же считать, – говорил Вольф, – что я предал ГДР, гражданином которой был».

Он дал достойный ответ и измышлениям о том, что органы безопасности и, в частности, внешняя разведка якобы были орудиями в руках КГБ. «Мы считались, понятно, – говорил он, – младшими партнерами. Но работали мы совершенно независимо, в основном в ФРГ. И на этом направлении русские во многом зависели от нас» (Интервью с М. Вольфом шведского писателя Яна Гиллоу. Фолкет и бильд. 1993, октябрь).

В связи с охотой за агентами ГДР западные спецслужбы распускали слухи о якобы исчезновении 2000 досье на таких агентов, с явными намеками на изъятие их КГБ. «Теперь, – писала западная пресса, – многие сотни бывших агентов ГДР будут служить русской разведке». Однако вскоре немецкие власти признали, что информацию о таких агентах они получали от ЦРУ, сумевшего добыть многие архивные материалы бывшей разведки ГДР, в том числе на ее сотрудников, допросы которых явились источником сведений о многих агентах.

Разворачивая кампанию по разоблачению восточноевропейских разведок, западные дезинформаторы наносили удар по своим прежним домыслам о якобы слабости этих разведывательных служб, неспособности их решать самостоятельно сложные разведывательные проблемы.

В то же время западным спецслужбам трудно опровергнуть такие выдающиеся достижения, как ТФП чехословацкого агента Френцеля в Оборонный Комитет Бундестага ФРГ в 50-е годы, позволившие чехословацкой разведке получить доступ ко всем секретам военного характера Западной Германии; проникновение агентуры ГДР во все важнейшие правительственные органы Западной Германии, а также НАТО. Они существенно пополняли информационную корзину ОВД. В этом плане Запад хорошо запомнил ТФП агента ГДР Гийома в ближайшее окружение канцлера Брандта.

Активно действовала польская разведка, как я уже показал, по США, а также в ФРГ и во Франции. При этом можно упомянуть, что количество разоблаченных дел восточноевропейских агентов в известной мере характеризует активность этих служб. Так, Т. Вольтон в своей книге приводит интересные сведения. За весь послевоенный период начиная с 1945 года из 74 выявленных случаев разведывательных операций во Франции 28 приходились на чехословацкую разведку, 17 – на польскую и 14 – на разведку ГДР. Если учесть, что, по признанию самого автора, французская контрразведка не отличалась высокой эффективностью, можно предположить, что за этими цифрами скрывается значительно большее число успешных дел.

Возвращаюсь к полякам.

Наше сотрудничество

Сотрудничество КГБ и, в частности, внешней разведки и контрразведки с польскими коллегами из таких же служб развивалось и углублялось по мере выявления новых оперативных возможностей, представлявших взаимный интерес. Поляки и мы, со своей стороны, вносили предложения по совместному проведению все более сложных операций, требовавших полного доверия друг к другу.

Мы отмечали, что все больше сотрудников польских служб разведки и контрразведки проникались действительно искренними дружескими чувствами к нам, отмечая нашу искренность и откровенность с ними. Это нас радовало и увеличивало не только наше доверие к ним, но и доверие к польским спецслужбам в целом со стороны нашего Центра.

Соответственно центральные подразделения нашей разведки и контрразведки стали охотнее откликаться на просьбы поляков оказать им содействие в решении отдельных сложных проблем, с которыми они порою встречались в оперативной работе. Это чаще всего случалось в связи с операциями ТФП.

Несмотря на то, что в наших взаимоотношениях с польскими коллегами мы действовали строго в рамках, согласованных в протоколе о сотрудничестве и взаимодействии, далеко не всегда легко удавалось найти готовность отдельных польских руководителей подразделений спецслужбы к осуществлению совместных операций.

Я отмечал у ряда польских коллег стремление прежде всего решать задачи личной заинтересованности, то есть такие, которые могли бы создать им престиж и повысить авторитет в глазах польского политического руководства. Соответственно главные, можно сказать, фундаментальные задачи, связанные с обеспечением общих для всего соцсодружества интересов, которые были и главными задачами внешней разведки, не всегда интересовали польскую сторону. Не все поляки видели в них свои национальные интересы, что порою и определяло нежелание таких руководителей вкладывать в разрешение разведывательных проблем собственные ресурсы.

Чаще всего я ощущал такую позицию со стороны директора второго департамента МВД – контрразведки Владислава Пожоги, в дальнейшем, в 1980 году, ставшего заместителем министра, взявшего под свою опеку также и разведку.

В. Пожогу отличала постоянная подозрительность и недоверие не только к нам, но и к своим коллегам – другим полякам, позиции которых не совпадали с его мнением и не соответствовали его убеждениям.

Меня интересовал этот польский руководитель в связи с тем, что он был поставлен на один из ключевых постов в МВД, был хорошо знаком с С. Каней, ставшим в 1980 г. Первым секретарем ЦК ПОРП.

Исходя из того, что я знал о действительно искреннем дружественном отношении С. Кани к нашей стране и постоянно чувствовал это в моих взаимоотношениях с ним, долгое время я воспринимал и его протезе В. Пожогу. Но все чаще у меня стали возникать вопросы, так ли это на самом деле, и сомнение в его искренности, его действительных настроениях.

Еще до того как С. Каня выдвинул его в заместители министра, я понял, что в лице этого польского руководителя в МВД мы имеем не совсем того человека, которым он стремится представлять себя нам.

Он был не столько патриотом своей страны, сколько националистом со своеобразным представлением о себе как о почти единственном «правильном» поляке, подозревающим всех и вся в каких-то неблагоприятных, с его точки зрения, делах.

Первый сигнал о его неискренности я получил, когда во время одной из ответственных операций ТФП потребовалось применение сложного аппарата нашего специального тех-

нического отдела. Аппарат этот был уникальной новинкой, специально предназначенной для использования в операциях ТФП, и усиленно охранялся сотрудниками нашего спецотдела.

По указанию Пожого была предпринята тайная попытка скопировать устройство этого аппарата с целью его изготовления для своих нужд. Перед этим Пожого обращался в КГБ с просьбой передать им этот аппарат. Ему откровенно сказали, что он имелся у нас только в единственном экземпляре, но наш спецотдел изъявил готовность в любое время прибывать с ним в Польшу при возникновении в нем надобности у поляков.

Как видно, это разъяснение не удовлетворило Пожого. Но он не знал, что аппарат был настолько сложен в своем устройстве и принципах действия, что полякам просто технически было бы не по силам изготовить его самостоятельно, какие бы схемы они ни приобрели тайком от нас. Кроме того, аппарат был опасно радиоактивен и пользование им требовало большой осторожности и знания его особенностей.

Пожого ошибочно полагал, что мы не узнаем о его поползновениях в отношении нашего прибора, но среди тех, кому он отдавал тайные указания, оказалось много наших искренних друзей, не одобрявших лицемерия своего начальника.

Что касается его подозрительности, то мне стало ясно происхождение этой нехорошей черты его характера. Оказывается, он в прошлом долго работал в Управлении инспекции польской Беспеки, то есть в министерстве безопасности. Это управление вело наблюдение за своими собственными сотрудниками. С тех пор он перестал верить кому-либо, научившись подозревать всех своих коллег.

Как-то в беседе с Пожогой, с которым мы внешне были в хороших отношениях, я спросил его: «Владислав, веришь ли ты себе-то? Ведь кого ни возьми, ты выражаешь недоверие – и к Ярузельскому, и к Кане, хотя последний верил тебе и выдвинул, доверяя тебе полностью, на такой важный пост, как контрразведка?» Владислав лишь ухмыльнулся. Он не верил М. Милевскому, своему непосредственному начальнику в МВД. И конечно же, не верил нам, представительству КГБ, о чем я прекрасно знал.

Глядя на него, его довольно ограниченный общекультурный кругозор, я размышлял, откуда у него такое самомнение, питавшее его уверенность в том, что только он ведет правильную линию, знает, что и как нужно делать в МВД, лучше и Милевского, и министра Ковальчика, не говоря уже о Е. Гереке, которого он ни во что не ставил. Помню, как он возмущался «обманом» со стороны Первого секретаря ЦК ПОРП С. Кани, который не дал ему возможности быть избранным членом ЦК на IX съезде партии. Ругал он его последними словами, не стесняясь меня.

Но пример Пожого был исключением. Большинство сотрудников польских служб безопасности были искренними с нами, начиная от руководителей министерства и кончая рядовым составом. Нам было легко сотрудничать с ними, и часто мы сообщали радовались их успехам, так же, как их радовали наши достижения. На этом фоне совершенно по-другому представляется сотрудничество и взаимодействие между собой западных специальных служб.

Если в нашем случае, после смерти Сталина и разоблачения Берии, Советский Союз и его органы безопасности стали, как выразился М. Вольф, «старшими» партнерами и КГБ строил свое сотрудничество прежде всего на оказании содействия братским органам безопасности, то система взаимодействия спецслужб Запада, как правило, определялась, да и определяется в большинстве случаев до сих пор единолично американскими спецслужбами в лице ЦРУ и ФБР.

Именно эти спецслужбы идут на сотрудничество там и тогда, где и когда это обещает им выгоду. Они, пожалуй, не менее пренебрежительно и свысока относятся к британским, французским, немецким спецслужбам, правда, при любом благоприятном для себя случае не отказываются от использования их услуг и возможностей.

Особенно активно и беспардонно ЦРУ действовало на территории ФРГ, полагая, что раз западногерманские спецслужбы были воссозданы ими, не следует особенно считаться с ними и

соблюдать хотя бы правила внешнего приличия. О таком далеко не союзническом отношении немцы хорошо знают, но вынуждены подчиняться.

Время от времени они все же предают гласности отдельные эпизоды своевольной деятельности ЦРУ на их территории. Так, журнал «Шпигель» в октябре 1986 года поместил большую обзорную статью с описанием отдельных «художеств» агентов ЦРУ. В ней описывается «подготовка» в созданном ЦРУ под Мюнхеном лагере агента-боевика Махмуда, снабжение его фальшивыми западногерманскими документами без ведома БНД и т. д. При этом подчеркивается, что таких махмудов ЦРУ готовит в ФРГ много и направляет их со своими подручными с заданиями в другие государства, нисколько не беспокоясь о том, что они компрометируют союзников – западных немцев, действуя под видом граждан ФРГ.

При этом ЦРУ создало в ФРГ разветвленную сеть своих пунктов, которые вели там без согласования с немецкими властями подслушивание служебных телефонов, вскрывали почтовую корреспонденцию, поступавшую в эту страну с Американского континента, проводили операции ТФП в иностранные объекты.

Очевидно, в качестве иллюстрации «благодарности» со стороны ЦРУ немецким спецслужбам в статье не без сарказма приводится эпизод встречи, организованной директором ЦРУ Уильямом Кейси в сентябре 1984 года с руководителями западногерманских спецслужб. Угостив их обедом в боннском ресторане «Цур Лезе», Кейси вручил им по серебряному «олимпийскому» доллару за «тесное партнерское сотрудничество».

Итак, я должен был изменить характер своей работы во внешней разведке весьма кардинально. Из разведчика, думал я, превратиться в администратора ее бюрократического аппарата.

Для того, чтобы представить польским коллегам и получить их согласие на «аккредитацию» меня в качестве представителя КГБ вскоре после состоявшегося разговора у председателя, начальник внешней разведки генерал Мортин лично сопровождал меня в Варшаву. Министром МВД ПНР тогда еще был Очепка, который вскоре погиб в авиакатастрофе. Мне запомнилась эта поездка не столько впечатлениями от руководителей польских спецслужб, с которыми я познакомился, сколько не очень благоприятным впечатлением, оставшимся у меня от самого Мортина. Он уже год являлся начальником внешней разведки, сменив на этом посту ушедшего в отставку Сахаровского, при котором он был первым заместителем в течение нескольких лет.

До этого Мортин долгое время был рядовым сотрудником военной контрразведки, откуда был взят в аппарат ЦК КПСС.

Несмотря на то, что он был простым чиновником партаппарата, он был возвращен в органы КГБ теперь уже на высокую должность заместителя начальника внешней разведки. Таким образом, его знания и опыт в области разведывательной деятельности ограничивались опытом руководящей работы в центральном аппарате. Это был один из примеров практики «усиления» органов госбезопасности партийными кадрами, которая мало способствовала действительному усилению их эффективности. Хотя должен признать, что другой руководитель разведки – Крючков В. А., также пришедший в КГБ из аппарата ЦК КПСС, оказался более подготовленным к новой работе, показал исключительную восприимчивость к новому для него делу.

Итак, впервые мне довелось находиться в непосредственной близости с начальником разведки – мы ехали в одном купе.

Еще во время моего нахождения в заграникомандировке до меня доходили не особенно лестные отзывы о новом в то время заместителе, затем первом заместителе начальника разведки. Эти отзывы подкрепились личным впечатлением о нем, о его стиле руководства в период моей бытности начальником Краснознаменного института КГБ (КИ). Кстати, Мортин также был около полугода начальником этого института, не оставив, однако, там заметного следа. Но

это было понятно, ибо как мог он руководить подготовкой разведчиков, ничего сам не зная о разведывательной профессии.

За время поездки до Варшавы меня поразила излишняя словоохотливость нового начальника, который в своих высказываниях не ограничивался общими темами, часто переходя на служебные вопросы, чему я был несказанно удивлен. Хотя мы ехали в отдельном купе, но двери часто были открыты, и другие пассажиры, в том числе иностранцы, могли уловить весьма интересные для них изречения начальника разведки. Поэтому я старался так реагировать на беседу, чтобы она носила больше бытовой характер. Не знаю, может быть, я излишне остро реагировал в силу привычки конспирации, воспитанной всей практикой работы за границей и ставшей второй натурой, но у меня остался нехороший осадок.

Но главное мое неудовольствие от действий моего начальника возникло от самого процесса представления меня как представителя КГБ министру МВД Польши.

Министр Очепка собрал всех своих заместителей и нескольких начальников главных департаментов, и Мортин представил им меня. При этом, говоря обо мне как генерале КГБ, он совершенно без нужды, а по моему убеждению, и ко вреду для моей будущей работы, назвал меня многоопытным разведчиком. Начиная с этого момента, Очепка обращался ко мне только как к разведчику, давая недвусмысленно понять, что он понимает, с какими целями я приехал в Польшу. Из представления Мортина получалось, что КГБ специально направляет в Польшу не опытного специалиста по вопросам обеспечения государственной безопасности, а разведчика, только разведчика.

Позже я убедился, что у некоторых руководителей польских спецслужб, присутствовавших при моем представлении, создалось именно такое предвзятое впечатление о моей деятельности.

На обратном пути я тактично, но ясно высказал свое неодобрение такой формой моего представления. Однако Мортин не понял моих выводов.

Глава II. Эстафета эпох

*Часы отмечают минуты,
Но где же часы для вечности?*
Уолт Уитмен. «Песни о себе»

Операция «Вализа»

Вспоминая захватывающие перипетии отдельных операций ТФП, я сравнивал их с самыми острыми сюжетами детективных историй в изложении искусных авторов и приходил к заключению, что ТФП могли бы дать богатую пищу и для Ле Карре и для Грэма Грина. В своих воспоминаниях отставной полковник французской разведки Леруа-Фэнвилль подробно описывает, как его «Служба 7» вскрывала иностранные дипломатические почты, которые им удавалось перехватывать на линиях курьерской связи.

Ранее я встречал упоминание о том, что в многовековой истории разведывательных служб встречались случаи изъятия у курьеров перевозимых ими почт и тайного досмотра их.

Так, в конце XVI века французский король Генрих IV подписал с Испанией условия мира, которые сильно затрагивали интересы Англии, а посему сохранялись в строжайшей тайне.

Добыть текст мирного франко-испанского договора англичанам удалось через венецианского посла Контарино. По его поручению испанского курьера, который вез почту с подписанным договором, «опоили каким-то зельем» и усыпили. Снять копию с текста договора оказалось непросто из-за сложной упаковки документа. Он находился в запаянной металлической трубке, на запайке которой была оттиснута печать. Вскрыть трубку, не повредив печать, было нельзя. К тому же трубка-контейнер находилась внутри опечатанной сумки, к которой была прикреплена цепь, обернутая вокруг тела курьера.

Изъятие документа было осуществлено так искусно, что в Мадриде ничего не заметили.

Из этого примера видно, что любые ухищрения с защитой пересылаемых почт от проникновения в них не могли сделать их достаточно надежными. Кроме того, для их доставки требовались курьеры, которые также могли быть доступны любителям ознакомиться с содержанием доставляемых ими документов.

Вот почему наряду с курьерской связью издревле использовались для доставки сообщений птицы, в частности, почтовые голуби.

Нест Липсус, известный историк XVI века, рассказывает о сложившейся издавна практике дрессировки птиц в целях использования для связи на относительно небольшие расстояния. Этот вид связи отличался быстротой, подчас в этом отношении он не уступал современной почте, в том числе и авиационной. Птичьей курьерской связью пользовался, в частности, Рим для получения секретных сообщений от своих агентов, находившихся в других странах.

Целый ряд преимуществ связи при помощи голубей перед курьерской связью с участием связников, особенно в условиях кризисных ситуаций и военных конфликтов, обеспечивал сохранение голубиной почты вплоть до появления такого более совершенного средства, как радио.

Так, во время Первой мировой войны, антантовская разведка широко использовала голубиную почту для доставки разведывательных сообщений с оккупированных немцами территорий. Поэтому с началом войны голуби тоже были мобилизованы. Поскольку Бельгия славилась своими голубями, при отступлении союзных войск бельгийская контрразведка дала приказ уничтожить более 30 тысяч голубей, которые могли быть использованы как почтовые.

На протяжении войны союзники активно использовали голубиную почту. Голуби забрасывались к патриотам, действовавшим в тылу немецких армий самолетами, в соответственно приспособленных корзинках, подвешивавшихся к парашютам, или же на воздушных шарах. Вместе с голубями прилагались инструкции о том, как обращаться с ними, и необходимые патриотам финансовые средства. Подчас разведчик, сбрасывавшийся с парашютом в тылу противника, имел при себе в кармане почтового голубя.

Голуби, снабженные разведывательными донесениями, успешно перелетали линию фронта, хотя немцы и пытались их отстреливать. Но попасть из винтовки в летящего голубя не так легко, тем более неизвестны были их маршруты и время полета. Они преодолевали большие расстояния, оперативно доставляя союзникам сведения большой практической военной ценности.

Голуби оказались не только быстрыми, но и весьма надежными курьерами. Отмечались случаи, когда смертельно раненные неприятелем пернатые курьеры часами ползли по земле и все же успевали добраться до родной голубятни.

К концу войны одни только англичане имели на западном фронте «штат» в 6 тысяч голубей. Во Франции даже поставили памятник героям голубиной почты и многих из них наградили орденами (см. сообщения из Бонна Е. Бовкун «Швейцарская армия простится с голубями, если позволит референдум». Известия. 1994. 5 ноября).

Вот и повод вспомнить мифический эпизод о том, как голубь сослужил неоценимую услугу аргонавтам, обманув подвижные скалы своим пролетом между ними, потеряв только несколько перьев из своего хвоста.

Но что говорить о далеком прошлом, когда оказывается, что и в настоящее время голуби остаются на вооружении как вполне надежное средство связи.

В конце 1994 года европейские СМИ живо отреагировали на сообщение из Швейцарии о предстоявшем сокращении в ее армии службы голубиной связи.

К концу 1995 года, по соображениям экономии, швейцарская армия наметила распустить свои «голубиные кадры», насчитывавшие 7000 штатных голубей, и отказаться от использования по контрактам еще 30 000 гражданских почтарей.

Согласно комментариям, голубиная почта до сих пор является очень удобным средством связи, особенно в горных местностях. Голуби могут в любых погодных условиях преодолевать расстояния в 800-1000 км и развивать скорость до 80 км в час.

Швейцарские голубятники сокрушались, что после 77 лет безупречной работы голубиной службы теперь опытные мастера управления голубями окажутся без работы вместе с тысячами опытных птиц-почтарей.

Если говорить о возможности ТФП в почту, пересылаемую с голубями, то очевидно, что этот архаический вид связи представляется наиболее надежным. В случае перехвата голубиного курьера факт этот неизбежно становится известным владельцам почты.

Пример операции ТФП, объектом которой была иностранная почта, оказался в поле моего внимания на самом раннем этапе моей работы в разведке, в предвоенные 1939-1940 годы.

В то время я уже был заместителем начальника американского отделения 5-го отдела ГУГБ (бывшего ИНО) НКВД. В моем ведении была разведывательная деятельность на Американском континенте – от Канады до Аргентины. Тогда мы располагали двумя легальными резидентурами: в Вашингтоне и Нью-Йорке, нелегальной резидентурой Ахмерова, действовавшего в районе Вашингтона, и нелегальной разведывательно-диверсионной группой в Аргентине нелегала Максимова, которая еще была в процессе становления.

Тогда я был еще только начинающим разведчиком, и все, что мне доводилось узнать или услышать о деятельности нашей разведки, воспринималось мною с огромным интересом и остро врзалось в мою память.

Вот первое, тогда еще малопонятное мне событие, дошедшее до меня.

Харбинская резидентура внешней разведки в начале 30-х годов активно занималась операциями ТФП в японские дипломатические почты.

Японцы, чувствуя себя хозяевами в Маньчжурии, недооценивали возможности иностранных разведок и довольно легкомысленно относились к пересылке своей служебной и дипломатической почты.

Резидентура, заместителем руководителя которой в то время был известный советский разведчик В. М. Зарубин, умело воспользовалась этим положением. «Тщательно изучив важнейшие японские объекты в Маньчжурии, их распорядок работы, почтовые каналы на главных пунктах следования почт, приобрела агентов и стала осуществлять операции ТФП в корреспонденцию огромной почты, которая вскрывалась, просматривалась, снимались копии и в запечатанном виде возвращалась агенту» (Меморандум Тонаки. Очерки истории внешней разведки. Т. 2, с. 283).

Всю сложность и специфику таких операций ТФП в дипломатические почты я понял позже, когда сам столкнулся с такой операцией, о чем хочу рассказать подробнее.

Как сейчас помню, наша служба получила срочное задание добыть как можно больше любой информации о том, как упаковывают свои дипломатические почты японские службы, какие при этом используются материалы, где их покупают или изготавливают, и так далее. Речь шла о писчей бумаге, конвертах и пакетах, чернилах, карандашах, канцелярском и специальном клее, сургуче, упаковочной бумаге.

Этим подробным «канцелярским» перечнем я был сильно удивлен. Но поскольку уже в то время опекавшие меня старшие коллеги-ветераны учили к каждому поручению и заданию подходить сознательно, четко понимая и представляя значение и цели даваемого мне поручения, я постарался выяснить, зачем и кому понадобились эти материалы.

Тогда я узнал, что запрос исходит из спецотдела министерства, где работал мой знакомый по краткосрочному совместному обучению в Высшей школе НКВД в 1938 году. Я связался с ним. Он охотно и подробно ввел меня в курс подготавливаемой ими операции ТФП в японские дипломатические вализы. Суть плана спецотдела сводилась к следующему.

Японский МИД доставлял свою диппочту, упакованную в вализы, во Владивосток, где они отправлялись японскими курьерами с почтовым поездом без сопровождения, а в Москве, прямо из почтового вагона диппочту принимали сотрудники японского посольства. Таким образом, создавалась возможность ознакомиться с японскими вализами в пути от Владивостока до Москвы, который в то время длился от 6 до 8 суток.

План спецотдела намечал организовать прямо в почтовом вагоне небольшую лабораторию, в которой и вскрывать вализы, фотографировать их содержание и вновь запечатывать так, чтобы никаких следов вскрытия на диппочте не оставалось.

«Вот для этого-то, – пояснил мой коллега, – нам и нужно иметь все те материалы, которые используют японцы при упаковке своих почт».

Та первая информация еще мало что говорила мне обо всей сложности такого ТФП. Только позже, когда наше отделение получило из спецотдела совершенно секретные документы МИД Японии, касавшиеся японо-американских отношений и мне нужно было уточнить у отправителя документов источник их происхождения, так как я должен был запросить нашу вашингтонскую резидентуру по ряду возникавших из этих японских материалов вопросов, мне открылась вся удивительная картина этой операции.

Как оказалось, полученная внешней разведкой из различных резидентур, в том числе и из Японии, информация свидетельствовала об исключительной сложности ТФП в японские почтовые отправления.

Во-первых, при упаковке корреспонденции она помещалась в пакеты и заклеивалась специальным клеем и сургучными печатями. Пакеты, клей и сургуч были не обычными канцелярскими, а специально заказываемыми японским МИДом.

Во-вторых, одна из наших резидентур смогла добыть старую упаковку японской диппочты. Исследование ее выявило наиболее трудно преодолимое для спецотдела препятствие: почта помещалась в специальные пакеты, имеющие подкладку из тончайшей, легко разрушающейся рисовой бумаги. Как убедились специалисты, вскрыть такой пакет без повреждения подкладки оказалось невозможным. В связи с этим в японскую резидентуру внешней разведки было направлено задание выяснить источник поставки МИД Японии такой рисовой бумаги или новых пакетов с подкладкой из нее и постараться приобрести эти предметы, а также специальные японские клей и сургуч, сорта и специфику которых спецотдел установил по полученной использованной упаковке.

Японская резидентура внешней разведки, к счастью, располагала агентом, знакомым с производителем указанных товаров, который смог приобрести то, что требовалось спецотделу, во вполне достаточном количестве.

Теперь началась та операция, которая для меня представлялась прямо фантастической.

Специальная бригада из нескольких специалистов, высококвалифицированных мастеров своего дела – вскрытия и закрытия особо сложно упакованных емкостей с интересующим нас содержанием, – оборудовала отсек в почтовом вагоне, курсирующем между Москвой и Владивостоком. В этом, прямо скажем, теснейшем закутке им предстояло совершать ювелирную по точности и аккуратности работу. Причем не в спокойной обстановке, а во время движения поезда, когда вагон трясется на стыках рельсов и при поворотах пути. Поэтому все наиболее delicate операции по проникновению в дипломатические вализы бригаде пришлось производить только во время длительных остановок поезда на больших станциях. Таких остановок было 8—10, и нужно было укладываться в такой ограниченный срок, что еще больше осложняло работу бригады.

Мой знакомый коллега из спецотдела описал мне обстановку, в которой совершала свой поистине героический труд бригада.

Как только японские курьеры во Владивостоке (или японские дипломаты в Москве) сдавали под расписку свои вализы почтовому служащему вагона, их немедленно брала на свое попечение бригада спецотдела.

Прежде всего они фотографировали со всех сторон на цветную пленку внешний вид, характер упаковки, печати, пломбы и все, что можно было заметить на поверхности вализ, все их особенности и характерные детали. Пленки тут же проявлялись.

Затем тщательно исследовались под лупой печати, узлы, запоры. После чего начинался процесс вскрытия внешних упаковок вализ, мешков – в зависимости от характера почты. Если вализ было немного, бригада успевала к моменту отправления поезда провести всю подготовительную работу к их вскрытию, но к самому вскрытию она могла приступить, только когда поезд уже тронется, на случай возможного обращения японцев с просьбой о возвращении диппочты, что в принципе не исключалось и даже однажды имело место.

Самое сложное начиналось при вскрытии внутренних упаковок с подкладкой из рисовой бумаги. К этой процедуре уже были заранее подготовлены новые пакеты, сравнение внешнего вида которых с пакетами диппочты проводилось также под лупой, а отдельных их участков даже под специальным микроскопом, если появлялось подозрение о наличии каких-то меток или особенностей, трудно различимых без микроскопа.

– При удачном стечении обстоятельств, – сказал мне коллега, – к середине пути бригада успевает добраться до содержимого почты, сфотографировать ее и начать обратный процесс закрытия пакетов. Это обратное действие является наиболее ответственным, так как малейшее

упущение, по-иному сложенные листы, царапина или помятости могут дать японцам повод к подозрениям.

К моменту запечатывания пакетов и вализы специально выделенный член бригады уже имел сравнительные характеристики клеев, сургуча, чернил, которыми сделаны надписи на пакетах. Если пакеты заменялись на новые, то специалист по почеркам делал абсолютно идентичные надписи на новых упаковках.

Процесс завершения закрытия диппочт настолько сложен, что бригада была вынуждена работать с чрезвычайным напряжением, чтобы уложиться в срок. В качестве гарантии от провала бригадир имел право в критической ситуации потребовать от машиниста дополнительной остановки, не доезжая до Москвы. Такой случай имел место однажды, когда почта оказалась более объемной, и бригада не рассчитала время.

– В целом, – говорил мне коллега из спецотдела, – после такой поездки всему составу бригады предоставляется «отгул» для отдыха на целую неделю. Если бы ты посмотрел, в каких условиях работают эти чудо-мастера, ты бы никогда не поверил, что там можно что-то сделать даже с менее деликатными почтами, чем японские.

Вдумываясь в то, что я читал в книге Леруа-Фэнвилля уже в 1980 году, я живо представлял те условия, в которых производились операции ТФП его «Службой 7», и еще больше удивлялся мастерству наших служб в то далекое предвоенное время. Люди, которые могли совершать вскрытия вализ, защищенных особо изощренным способом, мастерами которого, безусловно, являются японцы, мне представлялись умельцами, которые не только могли бы подковать и блоху, но даже украсть у такой подкованной блохи ее подковы так, что она и не заметила бы пропажи.

Удивительно не только их мастерство, но и то, как развита у них способность в часто возникающих экстремальных условиях решать сложнейшие, внезапно возникающие задачи, причем при остром дефиците времени и в крайне неблагоприятных условиях.

Думая об этом, я вспоминал примеры того, как человек перед возникающей смертельной опасностью вдруг проявляет чудеса силы, необыкновенной смелости и находчивости. Очевидно, именно такая способность мгновенной мобилизации всех своих умственных и физических сил присуща и тем специалистам ТФП, которым так часто приходится решать, казалось бы, неразрешимые проблемы.

Вот почему, когда ко мне в отделение стали поступать «для реализации» японские информационные материалы на американскую тематику, я уже совершенно по-другому, чем прежде, относился к ним. В моих глазах они становились бесценными, ибо я видел в них итог огромного самоотверженного труда специальных бригад, их добывших.

После того, что я узнал на примере операции по ТФП в японскую диппочту, мне было особенно интересно узнать, что вскрытие почтовой корреспонденции имеет давнюю историю.

Из истории гражданской войны в США в 1861-1865 годах известен случай, когда подставленный южанам агент федералистов (северян) стал курьером мятежников и вся почта, которую он привозил, вскрывалась и прочитывалась в Вашингтоне. При этом необходимо было пользоваться бумагой и печатями подлинных пакетов, и военное министерство федералистов ввозило из Англии бумагу, тождественную той, которой пользовалась агентура южан в Канаде.

Хотя приведенный мною пример ТФП в иностранную дипломатическую почту свидетельствует о том, что еще до войны такие операции активно проводились нашими специальными службами, удивительно мало упоминаний о подобной разведывательной деятельности появилось в западных публикациях.

Одно такое мимолетное замечание встречается в книге Эндрю и Гордиевского, когда со слов последнего говорится, что советская контрразведка усыпляла иностранных дипкурьеров при их следовании с диппочтами из Ленинграда в Москву, чтобы получить доступ к содержанию почт. Более подробно, но также чисто декларативно, без ссылок на какой-либо конкрет-

ный пример, писал в книге «КГБ» американский публицист Д. Баррон. Он заявляет, что на нашем железнодорожном транспорте, в вагонах, которыми пользовались иностранные дипкурьеры, имелись скрытые каналы для поступления паров, используемых для усыпления дипломатических курьеров с тем, чтобы их почты могли быть досмотрены. Но привести какой-либо факт автор не смог, так как зафиксировать такие ТФП в почтовых вагонах не удалось. Слишком квалифицированно проводились подобные операции, если действительно они проводились нашими службами, а следовательно, противник оставался в неведении относительно того, о чем же удалось узнать КГБ из досматриваемых диппочт. В этом огромное преимущество операции ТФП.

При проведении операции ТФП в дипломатические почты да и вообще в другие малоисследованные предварительно объекты приходится считаться с возможностью мало полезного «улова», отсутствием, как правило, средств и времени на их вскрытие, проникновение в их «внутренности». Да к тому же большой риск провала.

В то же время, когда однажды ТФП в японскую диппочту не дало каких-либо стоящих материалов, один из знакомившихся с изъятыми материалами обратил внимание на письмо японского МИДа, направлявшего детальный запрос с указанием сообщить ближайшей почтой оценку положения в СССР, с указанием источников информации, на основании которых делаются те или иные выводы.

Ценность для разведки следующей операции ТФП в диппочту, которая проследует из японского посольства в МИД Японии, сразу же неизмеримо возросла. Было решено досмотреть ее во что бы то ни стало, ибо в ней могли содержаться ответы посольства с указанием имен источников, поставивших информацию японцам.

Операция «Лотос»

Мои впечатления от первых лет работы в разведке формировались на примерах агентурного ТФП в наиболее важные центры нашего разведывательного интереса у противника. Одним из таких героических дел предвоенного и военного периода является выдающийся подвиг военного разведчика Рихарда Зорге. Правда, в те годы, да и долго еще после окончания Второй мировой войны, о нем мало что было известно нашей широкой общественности, хотя Запад живо откликнулся на его подвиг.

Деятельность Рихарда Зорге осуществлялась по двум важнейшим направлениям: проникновение в германские фашистские круги и в Управленческий центр японского милитаризма. То есть решались две важнейшие для советских разведок задачи предвоенного периода по вскрытию замыслов и антисоветских планов. Эти два вектора разведывательной деятельности Р. Зорге и давали ту равнодействующую в виде жизненно важной для нашей страны информации, которая оказала существенную помощь советским вооруженным силам в отражении гитлеровской агрессии.

Дело Зорге меня тем более заинтересовало, что регион его деятельности – Япония и Дальний Восток – был связан с операцией «Снег», в которой мне довелось лично участвовать в 1941 году. Операция «Снег» была направлена на предотвращение возможной японской военной агрессии против нашей страны на Дальнем Востоке (Павлов В. Г. Операция «Снег». М., 1996).

Именно тогда я узнал о работе против Японии другого разведчика, Ивана Андреевича Чичаева, с которым позже мне не раз приходилось лично встречаться. Этот наш резидент, работая в тридцатые годы на Дальнем Востоке, добыл через свою агентуру в Японии так называемый «Меморандум Танака», в котором японский премьер и министр иностранных дел барон Гинту Танака сформулировал секретный план милитаристских кругов Японии внешнеполитической и военной экспансии против своих соседей.

Рихард Зорге до приезда в Японию в сентябре 1933 года длительное время находился в Китае, куда прибыл молодым человеком под предлогом «изучения банковского дела». Там он убедился в том, что Дальний Восток являлся регионом мощного национально-освободительного движения. Увидел он и зарождение империалистической войны, угрозу японской агрессии, нависшей над этим регионом мира.

В 1930 году в Шанхае он познакомился с Ходзумо Одзаки, являвшимся корреспондентом японской газеты «Асахи». Они стали друзьями, и Зорге сумел завоевать доверие своего японского друга. Этому способствовала и нараставшая экспансия японцев в Китае.

18 сентября 1931 года имела место совершенная японцами вооруженная провокация на КВЖД, так называемый «Мукденский инцидент» (взрыв, послуживший поводом для оккупации Квантунской армией всей Маньчжурии). Шло ускоренное наращивание японских вооруженных сил на севере, что воспринималось обоими друзьями как признак подготовки японской агрессии против Советского Союза.

Одзаки был согласен с Зорге в вопросе о необходимости активного противодействия этой угрозе, что подготовило его сотрудничество с нашей разведкой в дальнейшем.

В 1932 году Одзаки был отозван в Японию, и его контакт с Зорге прервался до начала 1934 года. Эта связь была восстановлена Зорге в январе 1934 года, и сразу же Зорге провел принципиальный разговор, получив твердое согласие Одзаки сотрудничать в борьбе против японского милитаризма. К этому времени Одзаки уже был редактором газеты «Асахи симбун».

Исходя из главной задачи своей резидентуры, которая состояла в раскрытии захватнических планов японского милитаризма и германского фашизма, сбора важных сведений о гото-

вившемся нападении на Советский Союз, Зорге определил два основных направления разведывательной деятельности.

Первое намечало ТФП в круги германского посольства в Японии. Он оставил эту задачу за собой. Второе – проникновение в руководящие круги Японии и, более конкретно, ТФП в ближайшее окружение премьер-министра страны – им отводилось для Одзаки (Одзаки Ходзуки – брат Хадзумо Одзаки. Дело Р. Зорге. Токио, 1981).

На обоих главных участках разведывательной деятельности Зорге добился выдающихся результатов.

Одзаки, который понимал разницу между помощью, которую он оказывал Зорге в Китае, и сотрудничеством в Японии, верил своему руководителю и проявил свои выдающиеся способности журналиста-аналитика и обозревателя для выполнения поставленной перед ним нелегкой задачи. В этом ему помогало глубокое убеждение в правоте Зорге.

Одзаки сумел завоевать доверие руководящих кругов Японии и получил доступ к источникам важной внутренней информации о деятельности кабинета министров Японии.

В июле 1938 года он получил пост советника правительства по китайским проблемам.

Следуя указаниям Зорге, он проникает в непосредственное окружение тогдашнего премьер-министра Японии принца Фумимаро Коноэ. В период годового отхода Коноэ от руководства кабинетом министров, Одзаки сохраняет положение неофициального советника важного Управления Южно-Маньчжурской железной дороги в Токио. С возвращением Коноэ на пост премьер-министра, Одзаки в 1940-1941 годах вновь становится советником и даже секретарем премьера. Так он проник в резиденцию премьер-министра Коноэ, получил право свободного доступа в служебные помещения секретарей кабинета министров, где у него были хорошие друзья.

С этого момента от Одзаки в группу Р. Зорге стали регулярно поступать важные сведения о намерениях и планах японского правительства и, в частности, его военного ведомства. Свое ТФП агент успешно завершил.

Сам Зорге также преуспел, осуществив свое ТФП в близкое окружение германского посла и военного атташе. Он сумел войти в доверие сначала к послу Герберту Дирксену, затем к сменившему последнего Эйгену Отту, военно-морскому и воздушному атташе Гренау и даже к представителю гестапо Мейзингеру. Германское посольство раскрыло перед ним доступ к конфиденциальным материалам. Доверие это было настолько велико, что МИД Германии предложил ему должность пресс-атташе посольства.

Военный атташе Отто, ставший в дальнейшем послом, знакомил Зорге с шифрованными телеграммами из Берлина. Так, Зорге стало известно о германо-японских переговорах об антикоминтерновском пакте. Секретные пункты этого пакта, подписанного Германией и Японией 25 ноября 1936 г., Зорге узнал сразу же. Как известно, через год, 6 ноября 1937 года, к этому пакту присоединилась и Италия.

Благодаря установленным доверительным и близким отношениям в посольстве Германии Зорге добился такого положения, что стал уверенно контролировать практически всю конфиденциальную переписку между немецким посольством в Токио и правительством Германии.

Отношения доверия, позволявшие ему получать секретную информацию, Зорге установил со спецкурьером германского МИДа Шмидтом, начальником экономического отдела германского Генштаба Томасом, со специальными представителями Берлина в Японии Штаммером и Херферхом, с послом по особым поручениям Урахом. Именно от Ураха он узнал содержание секретного приказа прозондировать возможность вступления Японии в войну против СССР. От другого немца – полковника Нидмайера Зорге получил данные о военных планах Японии в отношении Китая и Юго-Восточной Азии.

Диапазон связей Зорге говорит и о его информационных возможностях. Они еще больше возросли, когда 14 сентября 1939 года Зорге возглавил службу информации германского

посольства. В этот период бывший военный атташе Отто стал послом. От него Зорге узнал о подготовке соглашения между Берлином и Токио, направленного против Англии и США.

В мае 1939 года Зорге узнал о принятом решении немцев напасть на Польшу в сентябре этого года, перейдя границу в районе Данцига (Гданьск). Как известно, нападение Германии, и именно в Данциге, произошло 1 сентября.

Интересно, что немцы еще за несколько месяцев до подписания советско-германского пакта о ненападении уже приняли решение о войне с Польшей. Спрашивается, при чем же, как утверждают наши недруги, какое-то провоцирование этой войны Советским Союзом?

В мае 1941 года прибывший из Германии Шолль сообщил Зорге о намеченном на конец июня нападении Германии на нашу страну. Об этом же сроке начала войны Зорге получил сообщение еще 17 апреля 1941 года из телеграммы к представителю Гимmlера со ссылкой на Риббентропа. Одной только упреждающей, достоверной и скрупулезной информации о подготовке гитлеровской Германии к нападению на Советский Союз, добытой Зорге, достаточно, чтобы его подвиг остался навсегда в памяти нашего народа.

Помимо сведений о сроках подготовки внезапного нападения Германии на нашу Родину, кульминационным достижением Зорге следует считать крайне своевременное доведение до сведения ставки Главного командования Красной Армии в июле 1941 года достоверных разведывательных сведений о том, что Япония не собиралась нападать на Советский Союз в поддержку германской агрессии, отдавая предпочтение наступлению в южном направлении. Это позволило снять многие отборные советские дивизии с дальневосточных рубежей и перебросить их на европейский плацдарм войны. Именно сибирские дивизии помогли спасти столицу и нанести первое крупное поражение немцам, обеспечившее победу в сражении под Москвой.

Зорге погиб, выполняя свой священный долг. Могила его находится на японском кладбище Тома, вблизи Токио, где он был захоронен после казни 7 ноября 1944 года. На надгробной плите есть надпись на японском и русском языках: «Здесь покоится герой, который отдал жизнь в борьбе против войны, за мир во всем мире».

Эти слова наиболее полно характеризуют жизнь и подвиг разведчика Рихарда Зорге.

Зорге действовал в период 1933-1941 годов, то есть еще до моего становления как разведчика. Но то, что мне стало известно уже в то время о деятельности этого замечательного человека, разведчика-профессионала, практически в одиночестве возглавившего борьбу в логове злейших наших врагов, захватывало мое воображение. С самого начала моей разведывательной карьеры он стал для меня, наряду с моими двумя наставниками, ветеранами внешней разведки Ахмеровым И. А. и Зарубиным В. М., примером, образцом мужественного служения Родине.

Хотя Зорге был по отцу немцем, настоящей его родиной всегда был Советский Союз. Он верно служил ему и окончил свою короткую жизнь на боевом посту как Герой Советского Союза, хотя это высокое звание ему было присвоено лишь посмертно.

Зорге находился в распоряжении военной разведки, но начал он свою героическую деятельность в начале 30-х годов, когда эту разведывательную службу возглавлял А. Х. Артузов, являвшийся одновременно начальником ИНО НКВД. Таким образом, «дело Р. Зорге» зародилось и начало развиваться под руководством бывшего начальника нашей службы, и это позволяет считать внешнюю разведку причастной к этому выдающемуся примеру операции агентурного ТФП.

Но в дальнейшем Зорге работал под единоличным руководством Главного разведывательного управления (ГРУ), так как Артузов стал жертвой сталинских репрессий и был расстрелян в 1938 году.

Не могу не разделить возмущения жестокостью сталинско-бериевского режима, не пожелавшего принять меры к освобождению Зорге, когда 18 октября 1941 года он был арестован. Целых три года просидел в японской тюрьме легендарный разведчик, когда японцы, так и не

дождавшись никаких предложений освободить его путем обмена, 7 ноября 1944 года казнили его.

Одна из версий провала Зорге, на мой взгляд, наиболее близкая к истине, состоит в следующем. При подготовке японцев к нападению на Перл-Харбор их специальные службы приняли жесткие меры к тому, чтобы перекрыть все возможные каналы утечки информации в США. Поэтому сотрудник резидентуры Зорге Мияги Йотеку, долгое время проживавший в США, был арестован, при допросах под пыткой он и выдал Зорге и других членов его группы.

Отсутствие каких-либо попыток со стороны Советского Союза освободить Зорге можно объяснить тем, что Сталин не поверил его предупреждению о готовящемся нападении Германии на СССР, поэтому разведчик и был принесен им в жертву. В этом еще раз проявилось нежелание Сталина иметь лишнего свидетеля допущенных им просчетов в оценке создавшегося накануне войны положения.

Мало того, за четыре года до ареста, в самый разгар его разведывательной деятельности, когда от Зорге одно за другим поступали достоверные сообщения по важнейшим событиям, касавшимся Германии и Японии и их агрессивных замыслов, имя этого славного советского разведчика было заклеено как не заслуживающее политического доверия и, вероятно, германского и японского шпиона.

И это клеймо сохранялось в то время, когда сообщения, прогнозы и анализы Зорге систематически подтверждались самой жизнью, происходившими событиями.

Еще более унижительно узнавать, что его жена, проживавшая в СССР и так и не узнавшая о печальной участи мужа, была арестована осенью 1942 года и направлена в ссылку, где в июле 1943 года скончалась (Одзаки Ходзуки – брат Хадзумо Одзаки. Дело Р. Зорге. Изд-во «Тго Корокся», Токио, 1981, яп. язык).

Это произошло в то время, когда Зорге томился в японской тюрьме, ничего не зная о судьбе жены. Хотя от этой дополнительной позорной обиды он оказался избавленным, умирая за честь своей родины с убеждением, что о семье его позаботятся.

В наше время нам не дано забывать о величественных делах этого героя, оставившего значительный след в истории советской разведки.

Рассказав об этой исключительно сложной, но и необычайно успешной операции агентурного ТФП, хочется отметить, что и менее значительные операции приносят подчас хотя и ограниченные по своему масштабу, но тем не менее весьма существенные результаты. В каждой такой операции есть свои особенности, свои профессиональные секреты, знание которых обогащает опыт разведчика, помогает ему находить выход из неожиданных ситуаций. Отдельные примеры известных мне операций я привожу, надеясь, что они помогут читателю лучше понять многообразность и сложность ТФП.

Дело «Кито»

Одним из наиболее трудных, но и важных объектов для обеспечения надежности и безопасности работы внешней разведки в США явилась защита от коварных и изощренных методов и мер, принимавшихся со стороны главного контрразведывательного ведомства этой страны – ФБР. Поэтому, когда в сороковых годах внешней разведке удалось осуществить агентурное ТФП в Министерство юстиции, в подразделение, курирующее деятельность ФБР, это было большим успехом.

Эта операция ТФП развивалась следующим образом. В 1943 году резидентура внешней разведки в Нью-Йорке завербовала агента – американку «Кито». Эта женщина под руководством разведчика стала искать пути подхода к ФБР, заводя соответствующие знакомства и устанавливая связи, которые могли бы рекомендовать ее на работу в Минюст США. Одновременно агента готовили в оперативном плане к возможной тщательной проверке ее личности со стороны ФБР.

Терпеливая и настойчивая работа с агентом принесла успех: в начале 1948 года Кито поступила на должность клерка в министерство. Ей удалось устроиться в подразделение, ведающее наблюдением за работой крупнейшего филиала ФБР в Нью-Йорке. Этот филиал вел наиболее активную работу по советским учреждениям в США и советским сотрудникам ООН.

Начиная с этого момента мы получили возможность знакомиться с совершенно секретными документами ФБР, находившимися в Министерстве юстиции. При этом Кито фактически действовала втемную, то есть не отбирала документы по нашему запросу, к чему она не была готова, а изымала по очереди картотеки и досье, складывала их в чемоданчик и передавала для фотографирования, после чего утром на следующий день возвращала их на место.

Мне вспоминается, как в Центре мы изучали эти фотокопии, а также и настоящие учетные карточки на агентов ФБР из среды членов американской компартии и других прогрессивных организаций, дублированные экземпляры которых находила в архивах министерства Кито.

Успешная работа с этим агентом, к сожалению, была прервана через год, когда наш разведчик при очередной передаче Кито материалов был арестован вместе с нею.

Кито вела себя в процессе следствия и суда достойно. Она была осуждена первоначально на 15 лет тюрьмы, а затем по апелляции срок был сокращен до 10 лет. При последующем пересмотре дела ее умелое поведение, поддержанное опытным адвокатом, нанятым не без нашего участия, вынудило ФБР отказаться от обвинения Кито из-за нежелания раскрывать свои секреты о характере материалов, которые изымала обвиняемая. Ведь тогда пришлось бы демонстрировать донесения агентов ФБР в компартии.

Ущерб от провала агента, помимо потери доступа к архивам ФБР, был минимальным, так как Кито не могла помочь контрразведке установить фактически те материалы, которые стали известны с помощью агента нашей разведке. Агент сама не знала, что именно передавалось нам, да к тому же Кито отказалась сообщать следователям какие-либо подробности о своем сотрудничестве с нами.

Как ни кратким было сотрудничество Кито с нашей внешней разведкой, но указанная операция ТФП принесла ощутимые результаты в области повышения безопасности нашей разведывательной работы не только в Нью-Йорке, но и в целом в Соединенных Штатах. Благодаря информации, полученной через Кито и другие наши источники, был выявлен ряд агентов ФБР, подставлявшихся американской контрразведкой в качестве провокаторов к советским людям, в том числе и сотрудникам резидентуры внешней разведки. Узнали мы и ряд методов, применявшихся ФБР в подрывной работе против нас.

Аналогичные операции ТФП осуществлялись внешней разведкой и против ЦРУ и сотрудников этой американской разведки, действовавших в иностранных государствах. С одной такой, хотя и не удавшейся до конца, операцией ТФП я хочу познакомить читателя.

Операция «Прохиндей»

В шестидесятые годы я являлся заместителем начальника внешней разведки КГБ и курировал подразделение внешней контрразведки. Тогда я вплотную соприкоснулся с операцией ТФП нашей разведки в одну из резидентур ЦРУ на Ближнем Востоке. Операция осуществлялась с целью внедрения микрофона для прослушивания бесед, которые вел со своей агентурой резидент ЦРУ Прохиндей.

В качестве конечной цели этого ТФП была попытка вербовки Прохиндея.

Обстоятельства операции были таковы.

Резидентура внешней разведки в одной из ближневосточных стран вела активную разработку сотрудника американского посольства в этой стране. Он был установлен нашими разведчиками как резидент ЦРУ. Были собраны подробные сведения о его образе жизни, выяснено, что он проживал на частной квартире в многоэтажном доме, изучено его поведение по месту жительства.

С целью наблюдения за Прохиндеем во внеслужебное время наш разведчик снял квартиру по соседству.

Вскоре были получены сведения о том, что Прохиндей принимает в своей квартире многочисленных посетителей, среди которых были сотрудники не только американского посольства, но и местных правительственных организаций. Последние, как правило, приходили к Прохиндею после наступления темноты.

Среди посетителей квартиры был замечен один из ранее выявленных нашей резидентурой агентов ЦРУ, член правительства страны, а также известные нам сотрудники резидентуры ЦРУ из числа американских дипломатов. Были среди посетителей и люди, пытавшиеся внедриться в агентурную сеть нашей резидентуры.

Эти обстоятельства навели резидентуру на мысль попытаться внедрить в квартиру Прохиндея подслушивающую технику с тем, чтобы узнать характер бесед американского резидента с его гостями. При этом наша резидентура предположила, что Прохиндей принимает в этом жилище свою агентуру. Возникло также мнение, что он может вести дома беседы на служебные темы со своими подчиненными, что еще больше делало заманчивым прослушивание его бесед.

Направленное в центр предложение нашей резидентуры было одобрено с целевой установкой: собирать компрометирующие Прохиндея перед ЦРУ конкретные данные для последующего вербовочного подхода к нему.

Тщательное изучение режима и поведения Прохиндея позволило резидентуре осуществить ТФП в его квартиру в утренние часы, когда он, как правило, находился на службе в посольстве.

Замок на его входной двери наш специалист вскрыл без особого труда, не оставив каких-либо следов наших действий. Для гарантии резидентура приобрела идентичный замок и провела над ним необходимые эксперименты.

Приемное устройство от внедряемых к Прохиндею микрофонов решено было разместить в соседней квартире, ранее снятой нашим разведчиком для наблюдения за ним. Прежде чем разместить микрофоны в квартире Прохиндея, было осуществлено пробное вскрытие ее, которое прошло успешно и не повлекло за собой какой-либо настороженности ее жильца. Ознакомление с внутренним расположением комнат и обстановкой, а также внешнее наблюдение за окнами во время нахождения там посетителей позволило точно определить те места, где Прохиндей принимал гостей.

Из первых же материалов резидентуре стало ясно, что Прохиндей как резидент ЦРУ превратил свою квартиру в явочную для своей довольно многочисленной агентуры. При этом он,

будучи, вероятно, уверен в полной безопасности, вел с агентами откровенные беседы, называя их по именам, упоминая места их службы и т. д.

Эти материалы в сочетании с внешним наблюдением за его посетителями позволили за несколько месяцев собрать достаточные сведения для расшифровки всей его личной агентурной сети.

Эти сведения вместе с записями его разговоров с агентами позволяли предъявить их ему в качестве полностью компрометирующих его перед ЦРУ грубейших нарушений конспирации в агентурной работе, не говоря уже о том, что компрометация его агентов перед местными властями грозила большими неприятностями для США. Эти улики могли уничтожить Прохиндея не только как резидента ЦРУ, но и просто как американца, нарушившего государственную тайну.

Его вина усугублялась и тем, что подчиненные докладывали ему об отдельных разведывательных операциях, расшифровываясь таким образом перед нами и расшифровывая свою агентуру.

Таким образом, завершающий этап операции по вербовке Прохиндея, по мнению резидентуры, был обеспечен. Теперь важно было решить, кто будет его вербовать.

При решении этого вопроса и была допущена ошибка, непростительная для нашего резидента. Но это стало ясно уже позже.

На предложение резидентуры осуществить вербовочный подход к Прохиндею самим, несмотря на готовность центра направить к ним специального вербовщика, имеющего большой опыт работы с американцами, Центр вынужден был согласиться.

В качестве такого вербовщика выступал заместитель резидента по контрразведке Павел. Собрав все компрометирующие материалы: список агентов Прохиндея, перечень нескольких американских разведчиков, подчиненных Прохиндею, и, главное, пленки с записью его бесед, в один из вечеров, когда Прохиндей находился дома один, Павел позвонил в его дверь.

Ход беседы, которая протекала драматически, не буду описывать как не имеющий отношения к теме моих воспоминаний. Факт, что ТФП, в данном случае с целями вспомогательными, оказалось успешным для получения обширной конкретной разведывательной информации о ЦРУ и его разведчиках, методах и целях их деятельности в этом регионе мира.

Чтобы завершить описание этой интересной разведывательной операции нашей службы, скажу, что длительная беседа нашего в общем очень квалифицированного контрразведчика, хорошо знающего особенности сотрудников ЦРУ, завершилась, казалось бы, вполне успешно. Однако Прохиндей, давший принципиальное согласие на сотрудничество с советской внешней разведкой, вдруг попросил дать ему время до следующего вечера обдумать ситуацию. И тут наш вербовщик попался на эту уловку, неосмотрительно потерял бдительность и, учитывая обманувшее его согласие Прохиндея, не стал возражать против отсрочки.

Вместо того чтобы ковать железо пока горячо, он отложил важную завершающую стадию вербовки: закрепление согласия конкретными сведениями, которые закрыли бы Прохиндею путь к отступлению. Как минимум, он мог взять у него какие-то важные документы резидентуры ЦРУ, явно имевшиеся в портфеле Прохиндея, с которым он не расставался.

Именно об этой серьезной ошибке и сказал Павлу резидент, еще не дожидаясь результатов «обдумывания ситуации» Прохиндеем. Он был явно обеспокоен возможным срывом вербовки, так как знал, что в ЦРУ действовала инструкция о снятии с разведчиков ответственности за допущенные ими ошибки в случае искреннего и своевременного признания.

Опасения резидента оправдались. В середине следующего дня резидентура узнала, что Прохиндей срочно вылетел на родину.

Так успешная операция ТФП в своей завершающей стадии закончилась обидным срывом. Этим она и запечатлелась в моей памяти.

Коль скоро последний мой пример имел отношение к противостоянию советской внешней разведки американской службе ЦРУ, остановлюсь поподробнее на этой теме.

Нашей внешней разведке пришлось вести трудные как оборонительные, так и наступательные бои с западными разведками.

До 1945 года, до возникновения так называемого «социалистического лагеря» или содружества стран народной демократии Восточной Европы, советская внешняя разведка в одиночестве противостояла блоку таких опытных и мощных, умудренных многолетним опытом успешной разведывательной деятельности службам, как британская СИС, французская, немецкая, японская спецслужбы и, в то время в меньшей степени, американская (военная разведка и спецслужба министерства финансов).

История свидетельствует, что довоенный период был успешным для внешней разведки (тогда ИНО НКВД), так же, как и для РУ Генштаба Красной Армии. Об этом говорят их героические дела, такие, как операция «Трест», деятельность Р. Зорге, организация разветвленной агентурной группы в Европе, разведывательная деятельность «Группы 5-ти» под руководством К. Филби, деятельность Ш. Радо и многие другие разведывательные операции. Исключительно успешной была деятельность советской внешней разведки в период Второй мировой войны. В историю этого периода прочно вошли имена разведчиков-героев Н. Кузнецова, Лягана, опять же Зорге и многих других, деятельность которых способствовала победе над гитлеровской коалицией.

Но речь в настоящих воспоминаниях пойдет о том периоде, когда я сам либо участвовал или был сопричастен операциям нашей внешней разведки.

После окончания Второй мировой войны, когда я, можно сказать, вступал в пору зрелого разведывательного мастерства, и до самой моей отставки в конце 80-х годов, то есть на всем протяжении «холодной войны», шла неустанная борьба нашей внешней разведки с противостоявшими ей ЦРУ, СИС, БНД, СДЕСЕ, не говоря о многих десятках спецслужб менее крупных западных государств.

При этом во главе грозного войска западных спецслужб стояло Центральное разведывательное управление – ЦРУ США, служба, обладавшая самым современным научно-техническим оборудованием и огромными материальными средствами.

На нашей стороне тоже появились союзники, помощники в лице молодых спецслужб стран народной демократии. Но из них только разведка ГДР, появившаяся с образованием этого немецкого государства в 1949 году и быстро набиравшая силу, могла рассматриваться как полноценный помощник нашей внешней разведки. Она уже в 50-х годах превратилась в реального противника западногерманской разведки БНД, отвлекая на себя значительную часть этой сильной спецслужбы и ослабляя в известной мере ее давление на нас. И это была существенная помощь. Кроме того, разведка ГДР активизировалась и в других направлениях, в том числе и против нашего общего главного противника – США. Это расширяло наши информационные возможности на наиболее трудном для внешней разведки участке ее деятельности.

Что касается других разведок стран народной демократии, то они долгое время требовали от нас кадровой, материальной, технической и прочей помощи, вместо того чтобы содействовать советской внешней разведке в решении задач по защите государственных интересов всего социалистического содружества.

Но постепенно и они становились в ряд с нами, правда, на второстепенных участках фронта борьбы в «холодной войне». Прежде всего это были разведки ЧССР, ПНР, затем ВНР и, в меньшей мере, НРБ.

Итак, мы могли наблюдать две противоборствующие силы: во главе с внешней разведкой СССР содружество разведок социалистических стран и сплоченный тесным взаимным союзом блок западных спецслужб, настоящую армаду во главе с ЦРУ, состоявшую из СИС, БНД, СДЕСЕ, каждая из которых в отдельности уже являлась достойным противником для нас.

Если посмотреть на это противостояние двух армий спецслужб в условиях напряженной «холодной войны», часто переходившей в острые схватки, то итоги не столь уж малы у нашей стороны. Но я не намерен вновь перечислять примеры успешных операций, они не раз упоминались в многочисленных изданиях, появлявшихся на Западе на тему о деятельности советской внешней разведки и отдельных сокрушительных поражениях западных служб в войне с нею. Сошлюсь только на американского автора Б. Вудворта, основной вывод которого сводился к тому, что ЦРУ терпело тяжелые поражения в этой войне (Вудворт Б. Завеса: секретные войны ЦРУ 1981-1987 гг. Нью-Йорк. 1987).

Не могу не согласиться с Вудвортом. Ведь ЦРУ по сравнению с нашей внешней разведкой имело ряд преимуществ. Это и, безусловно, во многом превосходившие финансовые ресурсы. И более мощная передовая технологическая, техническая и научно-исследовательская база. Наконец, являясь ведущей спецслужбой западного мира, ЦРУ, по существу, командовало во всех государствах третьего мира спецслужбами, которым оно оказывало советническую, материальную и техническую помощь. Следовательно, оно могло максимально использовать их возможности в борьбе с советской внешней разведкой.

Чем же большим могло располагать ЦРУ по сравнению с нашей внешней разведкой?

Одним из существенных, на мой взгляд, преимуществ ЦРУ в жестокой борьбе с миром, который эта служба считала «империей зла», являлась неразборчивость в средствах и методах достижения намеченных целей. Не буду повторять, что после разоблачения сталинского режима насилия и беззакония внешняя разведка отказалась от навязанных ей бериевских методов в разведывательной работе. Такие акции, как провокация, были полностью исключены из арсенала разведки. Правда, шантаж в виде вербовки на компрометирующей основе остался, но только в отношении кандидатов на вербовку из числа резко враждебных идеологических противников нашего государства.

Иначе обстояло дело в ЦРУ. Разведчики этой службы считали правомерным применение против советской внешней разведки и ее союзников из стран соцсодружества любых мер воздействия – от насилия, похищения и воздействия психотропными средствами вплоть до убийства. Об этом писал, наряду со многими другими авторами, и американский журналист Томас Пауэрс в своей книге о ЦРУ (Пауэрс Т. ЦРУ. Гамбург, 1980).

Он пишет, что ЦРУ не только убивало своих агентов, которые становились на путь предательства, но и осуществляло политические убийства, такие, как убийство южновьетнамского диктатора Нго Дин Дьена, вышедшего из-под контроля американцев, в ноябре 1963 года; покушение на жизнь Патриса Лумумбы, убить которого ЦРУ не успело, его опередили политические противники Лумумбы; планировало и предпринимало многочисленные попытки убийства Ф. Кастро. С этой целью ЦРУ нанимало и гангстеров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.